

Вэй Ху тоже вышел со двора с задней стороны, наполнил полмешка батата — ещё вчера Сун Нин сказал, что это надо будет отнести в подарок, и он запомнил.

Чэнь Цуйхуа, увидев это, спросила:

«Ху-цзы, а это у тебя что такое?»

«Немного батата взял».

Чэнь Цуйхуа всплеснула руками:

«Ой-ой, зачем тащить такие вещи? Ничего же ценного, люди смеяться будут».

«Нин-гэ велел взять».

Услышав, что это просьба Сун Нина, Чэнь Цуйхуа больше ничего не сказала.

Сун Нин уже надел через плечо корзину с яйцами, а Вэй Ху в одной руке держал курицу и кувшин с вином, а на другом плече нёс полмешка батата.

Чэнь Цуйхуа, высоко подняв голову, провожала их до самой окраины деревни. Ей хотелось, чтобы все в деревне видели: кто это говорит, что её тигрёнок "губит жён"? Посмотрите-ка, какого ладного фулана он теперь взял — какое там "губит", чепуха собачья!

По дороге она с каждым встречным здоровалась:

«Траву для скотины косите?»

«За хворостом ходили? Ого, сколько набрали».

«Ай да посмотрите на Тоу — такой маленький, а уже помогает матери работать».

Люди, раз уж с ними заговорили, неизменно отвечали:

«Цуйхуа, сегодня обратно к родителям идёте, да?»

«Да, погода сегодня хорошая, как раз Нин-гэ возвращается к родителям» - с улыбкой ответила она.

Чэнь Цуйхуа, сияя от радости, вела их двоих к выходу из деревни. Сун Нин немного смутился и незаметно придвинулся ближе к Вэй Ху, словно прячась за его плечом.

Цю-гэ нёс к деревенской окраине немного риса — собирался молотить его. Издалека он уже заметил эту троицу и невольно ахнул про себя: а ведь и правда, фулан брата Вэй Ху попался на редкость красивый.

«Тётушка Цуйхуа, брат Ху-гэ, вы куда это?» - окликнул он.

Хотя Чэнь Цуйхуа недолюбливала свекровь Цю-гэ, бабуку Сунь, с самим Сунь Дачжуаном её Ху-цзы был в хороших отношениях, да и к его фулану она относилась с теплотой. Цю-гэ вышел замуж в деревню Далюшу только на прошлый Новый год — года ещё не прошло.

Чэнь Цуйхуа с улыбкой сказала:

«Цю-гэ, ты, значит, к деревенскому песту рис толочь идёшь?»

«Ага. Тётушка, это Ху-гэ с молодым фуланом обратно к родителям идут?»

«Так и есть».

«Сколько всего набрали! Тётушка Цуйхуа, щедрая вы».

«Да что ты» - махнула она рукой. «Это всё потому, что Нин-гэ у нас умница да лапочка».

Вэй Ху тоже наклонился к Сун Нину, который прятался рядом с ним, и тихо пояснил:

«Это Цю-гэ, фулан Сунь Дачжуана, которого ты тогда видел. Он тоже в этом году женился и приехал сюда».

Цю-гэ был человеком открытым и сразу представился сам:

«Меня зовут Цю-гэ, я фулан Сунь Дачжуана. Как-нибудь приходи, поиграем, поболтаем».

Сун Нин слегка покраснел и кивнул:

«Угу... Меня зовут Сун Нин. Я... я фулан Вэй Ху».

Чэнь Цуйхуа прикрыла рот рукой и рассмеялась — до чего же милый у неё Нин-гэ.

Цю-гэ тоже засмеялся:

«Отлично. Я тут в деревне тоже почти никого не знаю».

Цю-гэ сразу проникся симпатией к Сун Нину: тот был не только красив, но и говорил мягко, учтиво, совсем не так, как деревенские девицы и геры с их резким, бойким нравом. Хотя... если уж честно, он и сам был немного бойким.

Перекинувшись с Цю-гэ парой слов, Сун Нин тоже остался доволен: это, по сути, был его первый знакомый в деревне, первый друг. Да ещё и пригласил — сказал, что обязательно зайдёт к нему поиграть.

Сун Нину с Вэй Ху нужно было идти к родителям, так что, поболтав немного о пустяках, они распрощались. Чэнь Цуйхуа проводила их до самой окраины деревни и, уходя, не забыла напомнить:

«Ху-цзы, если встретишь воловью повозку — останови, пораньше доберётесь».

«Знаю, мама».

Было раннее утро, у деревенского входа стояло немало людей — кто толлок рис, кто молот муку. Все с любопытством вытягивали шеи, разглядывая нового фулана. Чэнь Цуйхуа, проводив их, отправилась домой.

Ещё вчера она сшила для Нин-гэ длинный халат и нательное бельё — мерки помнила до последней нитки. Видя, что день ото дня холодает, она решила сразу же сшить и ватный халат для Нин-гэ, чтобы потом, с наступлением холодов, не оказалось, что надеть нечего.

В хорошем настроении Чэнь Цуйхуа вернулась домой: пусть все эти злые языки посмотрят —

кто это говорил, что её Ху-цзы "губит жён"? Тьфу ты. Нин-гэ пришёл в их дом — и живёт себе прекрасно.

В это время у деревенского входа толкла рис и Ли Гуйфэнь — она видела всё до мелочей. У входа было всего два каменных ступа для риса, и оба были заняты, так что Цю-гэ стоял рядом и ждал своей очереди.

Деревня Далюшу и без того была невелика: если в какой семье случится какая-нибудь мелочь — уже вся деревня знает. А уж свадьба и вовсе дело большое.

Сун Нин с Вэй Ху давно ушли, неся свои подарки, а многие всё ещё смотрели им вслед.

«Вещей-то сколько взяли» - перешёптывались. «Одних яиц, по-моему, штуки два-три десятка, да ещё и курицу прихватили. Вот уж не поскупились».

«Тётка Цуйхуа щедрая» - отозвался кто-то. «Ещё бы, с таким трудом женили сына, разве не радоваться?»

«Да ты вспомни, какая Чэнь Цуйхуа была: рисинку уронит — и ту подберёт. А сегодня вон как разошлась. Вэй Ху всё-таки охотник, ты у них часто мясо на столе видел?»

«А ты глянь, ещё и новую одежду сшили. Я аж завидую».

«Что ни говори, а пара они ладная. В нашей деревне второго такого красивого гера, как Нин-гэ, и не сыщешь».

Ли Гуйфэнь, слушая это, только губы кривила:

«У этого Вэй Ху судьба злая. День-два — разве тут что поймёшь? А дальше кто его знает».

Любители поглазеть тут же подхватили:

«Гуйфэнь, да ты всё с Цуйхуа никак не разберёшься? У неё фулан рано помер, у тебя тоже помер — а ты всё помнишь да помнишь».

Эта фраза вызвала общий хохот. В таком-то возрасте — половина жизни за плечами, внуки уже по двору бегают, а она всё о давних делах думает.

Ли Гуйфэнь от стыда аж опешила, не зная, куда деваться. Она сплюнула:

«Тьфу! Чего ты, бесстыжая, мелешь? Я так, мимоходом сказала».

Цю-гэ стоял рядом и слушал, едва сдерживая смех. Хотя в деревне Далюшу он прожил меньше года, но его свекровь, бабка Сунь, была той ещё болтушкой — даже готовя в одиночку, могла без умолку перемывать людям кости. Так что Цю-гэ наслушался всякого.

Про вражду между Ли Гуйфэнь и Чэнь Цуйхуа он тоже знал. Поняв, к чему клонят разговоры, он тоже невольно усмехнулся.

Ли Гуйфэнь фыркнула:

«Да хоть красив он, этот Нин-гэ, толку-то? Пустышка. Разукрашенная подушка: снаружи блестит, а внутри — одна труха».

Цю-гэ стало не по себе. Да Нин-гэ в деревне всего несколько дней, а Ли Гуйфэнь уже так его поливает. Даже если семьи не ладят, разве обязательно говорить такие гадости?

Цю-гэ не выдержал и заговорил:

«Тётушка Гуйфэнь, откуда вам знать? Нин-гэ и правда красивый — куда симпатичнее жены Ли Гуйэра. Но ведь это не повод обливать человека грязью».

«Тьфу! Кто его грязью обливает?» - тут же взвилась Ли Гуйфэнь. «Этот Нин-гэ из города, он и огонь-то разжечь не умеет, не говоря уж про готовку! То, что даже сопливые ребятишки делают, он, новобраный, не умеет. Зачем такого в дом тащить? Да ещё и гер — от них толку в продолжении рода никакого. Вот вы бы сами такого взяли?»

«И потом, - не унималась она, - моя невестка как только в дом вошла, сразу мне здорового внука родила. Чему мне у Чэнь Цуйхуа завидовать? Тому, что она себе "предка" в дом привела? Или тому, что гера взяли?»

Ли Гуйфэнь, словно высыпая бобы из бамбуковой трубки, тараторила без остановки. Это даже привлекло внимание других:

«Чего? Так у Ху-цзы фулан и правда ни огонь развести, ни готовить не умеет?»

Услышав, что наконец-то кто-то подхватил разговор, Ли Гуйфэнь тут же оживилась:

«А как же! Ни стирать, ни готовить не умеет. Вы бы такого к себе в дом взяли?»

Неизвестно откуда тут же объявилась и бабка Сунь, вставив своё слово:

«Если никакой работы делать не умеет, зачем его вообще женить? Чтобы свекровь ему прислуживала? Это ж на смех людям».

Цю-гэ, услышав слова свекрови, рассердился. Схватив таз с зерном, он развернулся и пошёл домой. Бабка Сунь окликнула его:

«Цю-гэ, ты куда это? Сейчас же твоя очередь будет, чего опять уходишь?!»

Цю-гэ даже не обернулся:

«Мама, пить хочу. Домой пойду, воды попью».

Бабка Сунь пробормотала ему вслед:

«Чуть поработает — сразу пить. Ни капли усердия».

Цю-гэ, кипя от злости, донёс таз с зерном до дома. Зайдя во двор, он увидел, как Сунь Дачжуан возится с табуреткой без ножки. Цю-гэ с грохотом швырнул деревянный таз прямо перед ним:

«Иди сам рис толочь».

Сунь Дачжуан вздрогнул:

«Ты чего это? Кто тебя так разозлил?»

«Никто. Давай, иди рис толочь» - буркнул Цю-гэ.

Сунь Дачжуан отряхнул пыль с рук и, улыбаясь, подошёл поближе:

«Кто это осмелился обидеть фулана Сунь Дачжуана? Скажи — я сейчас пойду и проучу его».

Они были женаты меньше года — как раз тот самый сладкий, тёплый период, когда чувства будто мёд с маслом. Цю-гэ этой свадьбой был доволен: ещё до женитьбы они были обручены почти год, и в страдную пору Сунь Дачжуан всегда приходил помогать по хозяйству.

Сунь Дачжуан и в поле был работягой что надо. Когда он помогал, деревенские только завидовали, и Цю-гэ это радовало.

После свадьбы жизнь шла вполне мирно. Да, бедновато, но зато муж рукастый и деловой. Только вот свекровь, бабка Сунь, всё норовила придрататься.

Сегодня опять выдала: «Ничего делать не умеет — зачем такого в дом брали». Слушать это было тошно: выходит, его сюда привели лишь затем, чтобы он батрачил на старую семью Сунь, как вол или лошадь?

Сунь Дачжуан бегал вокруг Цю-гэ, уговаривая его, за что получил пинок:

«Достал ты меня. Иди уже рис толочь, а то к обеду и поесть нечего будет».

«Ладно, ладно, не сердись».

Сунь Дачжуан взял деревянный таз и пошёл к деревенскому входу толочь рис. Когда он подошёл, его мать всё ещё перемывала людям кости. Увидев, что рис пришёл толочь именно Сунь Дачжуан, бабка Сунь недовольно бросила:

«Это ещё что такое? Почему ты пришёл, а не Цю-гэ?»

«Цю-гэ дома занят».

«Ишь ты, какой ленивый фулан попался» - проворчала она. «Даже рис потолочь — и то отлынивает».

Кто-то рядом сказал справедливое слово:

«Да что ты, бабка Сунь, ещё и Цю-гэ ленивым считаешь? Да он у тебя работающий фулан! Только в ваш дом вошёл — как раз на время высадки риса попал, уже на второй день с утра в поле пошёл. Встаёт ни свет ни заря, и работает, и готовит, и стирает, да ещё и вышивать умеет. Твой Цю-гэ очень даже трудолюбивый».

Услышав, как хвалят его фулана, Сунь Дачжуан расплылся в глуповатой улыбке:

«А то! Мой Цю-гэ самый что ни на есть работающий».

Тем временем Сун Нин с Вэй Ху прошли совсем немного, как их догнала телега, ехавшая сзади. Вэй Ху остановил её и усадил Сун Нина. Тот тут же вцепился ему в рукав и не отпустил:

«Брат Вэй Ху, ты тоже садись».

«Я молодой да крепкий» - отмахнулся Вэй Ху. «Зачем мне на телеге ехать?»

Вэй Ху и в город никогда ни на воловьей, ни на муловой повозке не ездил — всегда ходил

пешком. Не потому, что жалел три медные монеты, просто дорога была недалняя, он и так быстро добирался.

Сун Нин не соглашался: видя, что Вэй Ху упирается, он уже собрался спрыгнуть вниз:

«Тогда я с тобой пойду пешком».

Вэй Ху нахмурился:

«Сиди спокойно, не вздумай слезать».

На лице Сун Нина появилась обида:

«Почему ты такой сердитый?»

Вэй Ху растерялся:

«Нет-нет, я не сержусь. Я просто так говорю. Ладно, сяду».

Сун Нин тут же подвинулся, освобождая место, и Вэй Ху сел рядом с ним.

На телеге ехала молодая женщина, она с улыбкой поддела:

«Фулан тебя жалеет, видно же».

Вэй Ху неловко кашлянул, скрывая смущение, а Сун Нин слушал — и на душе у него стало сладко.

<http://bllate.org/book/15163/1356160>